

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БАЛАНС КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В 1917 – СЕРЕДИНЕ 1920-х гг.

Рассматриваются проблемы развития крестьянского двора на Европейском Севере России, вызванные аграрной революцией 1917–1921 гг.: анализируются использование рабочего времени, производительность труда, уровень благосостояния крестьянской семьи; выявлены закономерности эволюции двора в зависимости от площади посева, обеспеченности рабочими руками, средствами производства, структуры доходной части бюджета; показана динамика производственного процесса в хозяйствах разного типа.

Ключевые слова: аграрная революция; нэп; крестьянское хозяйство; доходность; эффективность производства; эволюция сельского хозяйства.

Аграрная революция 1917–1918 гг. привела к кардинальному изменению аграрного строя страны, который отныне базировался на мелком крестьянском дворе, в сельскохозяйственном производстве которого соединялись первичная добыча сырья, его начальная переработка, а зачастую и изготовление конечного продукта. При этом значительная часть продукции сельского хозяйства потреблялась непосредственно в самом хозяйстве.

Современная историография развития сельского хозяйства страны, как правило, не касается механизмов функционирования крестьянской парцеллы; анализ эффективности сельскохозяйственного производства в период революции и первых лет нэпа ограничивается валовыми показателями. Между тем исследование эволюции хозяйственной инфраструктуры крестьянского двора позволяет понять специфику восстановительных процессов в сельском хозяйстве страны и дать ответ на вопрос, насколько аграрная политика учитывала эти изменения.

Главная цель хозяйственных усилий крестьянской семьи состояла в получении возможно большего дохода и извлечении прибыли. Если крестьянин в конечном счете думал только о потреблении, подчеркивал Л. Н. Литошенко, то «его ближайшей и конкретной целью будет всегда получение максимального дохода, создание продукта, имеющего максимальную рыночную ценность» [1. С. 24]. В строго научном смысле доходность крестьянского производства понимается как чистый доход, получаемый путем вычитания из валового дохода (совокупности всех поступлений в крестьянское хозяйство) всех текущих материальных расходов (в натуральном и денежном выражении) по ведению хозяйства. Полученная разница формировала свободный фонд крестьянского хозяйства, шедший на оплату труда семьи и ее содержание, на накопление средств производства, сбережения и уплату налогов.

Следует оговориться, что при таком подходе к определению дохода двора не учитывают, например, расходы на амортизацию капитала и на оплату труда членов своей семьи, поэтому правильнее говорить (по А.Н. Челинцеву) об условно-чистом доходе двора. В то же время для крестьянина условно-чистый доход являлся ничем иным, как реально существовавшим фондом материальных ценностей, находившихся в его руках. Иными словами, для крестьянина величина

этого фонда была уже не условным, а действительным частно-хозяйственным эффектом его производственной деятельности, который он с полным основанием мог называть своим чистым доходом. В большинстве своем его основой служили сельское хозяйство, доходы от промыслов и отхода, от эксплуатации леса, охоты и рыболовства и, наконец, от разного рода случайных поступлений, вроде продажи инвентаря, займов и т.п.

Из сказанного становится понятным, что организационно-производственный анализ крестьянского хозяйства вызывает большие трудности, так как для определения условно-чистого дохода крестьянского двора требуются детальные сведения обо всех отраслях хозяйственной деятельности крестьянина, изменениях производительности, взаимоотношениях основных элементов хозяйства, получить которые с наибольшей полнотой исследователь может только опираясь на результаты бюджетных описаний, дополняя их в случае необходимости массовым статистическим материалом.

Сделав эти необходимые оговорки, перейдем к анализу организации и хозяйственного баланса крестьянского двора на Европейском Севере в 1917–начале 1920-х гг.

В очерченных хронологических границах, вне сомнения, особое место занимает период аграрного переворота 1917–1921 гг., отличавшийся значительным сокращением сельскохозяйственного производства, ухудшением демографических и социально-экономических параметров крестьянского двора, падением его доходности. Бюджетные обследования в тот период охватили весьма незначительное число дворов и представляют для анализа весьма ограниченный набор элементов крестьянского хозяйства. На Европейском Севере в разработку попали бюджеты 26 крестьянских хозяйств Северо-Двинской губернии, составленные осенью 1921 г. [2. С. 324–325].

Сначала рассмотрим размер чистой выручки от сельского хозяйства как наиболее важную статью чистого дохода крестьянского хозяйства. Она формировалась из условно-чистых доходов полеводства, животноводства, луговодства и огородничества. Общая сумма этих доходов составляла в хозяйстве 440,98 руб.

Обратившись к относительным показателям чистой доходности сельского хозяйства двора, выделим показатель доходности в расчете на единицу сельско-

хозяйственной площади и определим тем самым, как оплачивалось использование десятины пахотной и сенокосной земли. Производительность десятины сельскохозяйственной площади составляла 232,09 руб. (в том числе 42,61 руб. стоили продовольственные хлеба, 62,84 руб. – кормовые хлеба, 10,54 руб. – картофель, 9,5 руб. – масляные культуры, 11,96 руб. – садовые продукты и др.) [2. С. 329] и по всем параметрам была необычайно высокой. Понятно, что сверхдоходность десятины земли вызывалась в условиях хозяйственной разлуки внешними по отношению ко двору факторами, в первую очередь необычайно высокими потребностями в хлебе и продуктах питания.

Оплата труда в сельском хозяйстве губернии составляла 146,99 руб. в год.

На втором месте после сельского хозяйства в структуре чистой выручки двора находился доход от лесного хозяйства, на третьем – доход от промыслов. В совокупности они составляли лишь 74,42 руб. (14,44% условно чистого дохода). Весь чистый доход двора равнялся 515,40 руб. Единица рабочей силы оплачивалась в размере 171,80 руб. Душевой доход составлял 84,49 руб.

Повышенные показатели основных элементов крестьянского бюджета 1920/21 г. несложно объяснить экстремальной обстановкой военного времени, необычайной дороговизной жизни. Вряд ли они представляли типичный пример хозяйственного баланса крестьянского двора. Напротив, аграрная революция упразднила типологические различия крестьянского хозяйства, сделала его наиболее однородным за всю историю. Глобальная нивелировка социально-экономической структуры деревни, происходившая на основе натурального, по существу, присваивающего хозяйства приводила к своеобразной самоизоляции аграрной сферы [3. С. 148–167]. На всем обширном пространстве Европейского Севера утвердился организационный тип потребительского сельскохозяйственного двора.

Восстановление экономического баланса крестьянского двора и возврат к интегральным основам производства начались на Севере в 1922/23 г. и завершились к 1926/27 г. Стартовые условия этого процесса можно уяснить, обратившись к материалам крестьянских бюджетов 1922/23 г., захвативших всю территорию Европейского Севера и давших фундаментальное описание 193 крестьянских хозяйств [4. С. 90–91].

Общая сумма сельскохозяйственного дохода по расчету на одно хозяйство была значительно ниже показателей Северо-Двинской губернии 1920/21 г. и колебалась в весьма широких пределах: от 85,9 руб. в Коми-Зырянской АО (самый низкий доход не только на Европейском Севере, но и в целом по СССР [4. С. 54, 90–91]), до 268,0 руб. в Карелии.

Большим разнообразием отличалась география производительности 1 дес. сельскохозяйственной площади. Минимальный доход в 6,9 руб. имели крестьянские дворы в Карелии, максимальный – в 27,2 руб. – дворы Архангельской губернии. В хозяйствах остальных административных образований доходность 1 дес. колебалась в пределах 11,6–16,5 руб. Важно подчеркнуть, что при общей крайне низкой

доходности, не превышающей 30 руб. с 1 дес. в регионе, крестьянские хозяйства Карелии и Северо-Двинской губернии составляли группу с минимальными доходами.

Обозначившиеся особенности в территориальном размещении доходности с единицы площади находят объяснение в пестроте урожайности хлебов в бюджетном году, неодинаковой репрезентативности хозяйств, попавших в разработку, последствиях неурожая, в той или иной степени имевшего место по всему Северу, результатах финской интервенции в Карелию в 1922 г. и др.

Подразумевая, что все эти факторы в той или иной степени наличествовали в бюджетном году, остается предположить, что разная доходность 1 дес. площади могла быть обусловлена разной производительностью земли, либо разной площадью землепользования, либо неодинаковым количеством труда, прилагаемого к земле. Учитывая, что рабочий и семейный состав исследованных дворов был примерно одинаков (с некоторым превышением средних показателей в Архангельской губернии и Карелии), равно как и доход от сельского хозяйства (за исключением Карелии, что, на наш взгляд, объясняется некорректной выборкой дворов для анализа), приходим к выводу, что главной причиной расхождения в подесятинном доходе являлась разница в производительности труда в отдельных районах Европейского Севера: при более низкой землеобеспеченности доходность оказывалась выше.

Так, в Карелии при минимальном доходе с 1 дес. в 6,9 руб. средняя сельскохозяйственная площадь на одно хозяйство составляла 38,8 дес., в Северо-Двинской губернии при доходе в 11,6 руб. – 10,9 дес., напротив, в Коми при доходе в 11,6 руб. сельскохозяйственная площадь на одно хозяйство равнялась 5,2 дес., в Архангельской губернии при доходе в 27,2 руб. – 4,5 дес.

Посмотрим, каковы были размеры сельского дохода по расчету на рабочую силу и как распределялся по территории уровень оплаты труда в сельском хозяйстве. Максимальную оплату труда (около 60 руб.) показывают бюджеты Карелии и Вологодской губернии, минимальную – Коми-Зырянской АО (25,3 руб.) Между этими пределами располагались хозяйства Архангельской и Северо-Двинской губерний, однако с меньшими колебаниями, чем при группировке по доходу на единицу площади.

На втором месте после сельского хозяйства в ряду источников дохода крестьянского двора стоял доход от промыслов. В Архангельской губернии он даже превышал сельскохозяйственный доход. Повышенной доходностью от промыслов отличались также крестьянские дворы Карелии и Коми-Зырянской АО. В остальных регионах его размер колебался в пределах 30–50 руб. В абсолютных значениях наименее низкий промысловый доход имели хозяйства двух земледельческих губерний – Северо-Двинской и Вологодской.

Такое распределение промысловых доходов свидетельствует об их разной экономической природе. Часть из них получалась за счет кустарного производства, другая представляла собой промысловые заработки в городской промышленности и чужом сельском хозяйстве. Небольшой, но существенный по сво-

ему социальному значению вес имела группа промысловых доходов от владения торгово-промышленными заведениями.

На третьем месте в чистом доходе крестьянской семьи (за исключением Карелии) стояли доходы от лесного хозяйства. Наибольший доход от леса (21,3% от условно-чистого дохода) получали крестьянские дворы Архангельской губернии.

Как бы ни были разнообразны причины, определявшие состав крестьянского дохода в разных районах Севера, в большинстве случаев одни доходы дополняли другие, и картина распределения общей производительности единицы труда получала более однородный характер, чем география отдельных источников дохода. Архангельская и Вологодская губернии имели повышенную оплату рабочей силы в пределах 85,0–86,3 руб., Коми-Зырянская АО и Северо-Двинская губерния – 49,2–57,6 руб.

Правда, доход по расчету на рабочую силу еще не давал правильного представления об уровне благосостояния крестьянской семьи. При равной оплате труда семья могла быть богаче или беднее в зависимости от числа нетрудоспособных едоков, кормящихся за счет работников. В любом случае обремененность работников едоками была не таким мощным фактором, чтобы кардинально изменить картину доходности дворов разных регионов. По распределению условно-чистого дохода на душу населения двора, как и в случае распределения дохода на единицу труда, выделялись Архангельская и Вологодская губернии (чуть более 50,0 руб. на душу). Коми-Зырянская АО и Северо-Двинская губерния отличались пониженной доходностью – несколько выше 30,0 руб. на душу.

Как видим, средние показатели при их общей однородности подчеркивали нищенскую сумму реального дохода крестьянства Европейского Севера, но все же скрывали разнообразие внутренних экономических условий и возможностей крестьянского хозяйства в 1922/23 г. Чтобы обнаружить это многообразие, необходимо дополнить анализ организационных форм социально-экономическими группировками статистического материала.

Перейдем к анализу доходности крестьянского двора, положив в основу группировочного признака один из натуральных элементов хозяйства – размер посевной площади. Следует оговориться, что в данном случае посевная группировка не заменяет группировку по доходу, а используется лишь как фактор распределения дворов по их размерам. По отношению к основной отрасли крестьянского хозяйства – сельскому хозяйству, посевная площадь является главным и до известной степени кумулятивным признаком. Ее размеры не совпадали с размерами землепользования, но при этом зависели и от площади земли, находившейся в пользовании двора, и от количества рабочего и продуктивного скота, и от размеров семьи, и от числа работников, и от наличия «мертвого» инвентаря. В силу этой технико-экономической зависимости посевная площадь значительно зависела от объема средств производства, которыми располагало хозяйство. В то же время, являясь в известном смысле уже не предпосылкой, а результатом хозяйственной дея-

тельности, посевная площадь при известном урожае могла бы сблизиться с размерами валового дохода хозяйства и, следовательно, могла считаться основой группировки не только по объему средств производства, но и по величине дохода крестьянского хозяйства.

Распределив дворы по этому показателю (основываясь на материалах бюджетных обследований крестьянских хозяйств за 1922/23 г. и 1923/24 г.), можно попытаться дать ответы на вопросы о различиях этих дворов, натуральных характеристиках основных элементов хозяйства и их взаимоотношениях (земля, скот, рабочая сила), хозяйственных результатах производственной деятельности разного типа дворов и на этой основе судить об общей направленности их развития [5. С. 186–187].

В 1922/23 г. крестьянская семья в среднем по региону состояла из 5,55 душ при 3,20 работниках, засекала 2,14 дес. земли при площади землепользования в 14,52 дес. Стоимость всех средств производства оценивалась в 559,79 золотых руб. В 1923/24 г. произошли определенные подвижки в сторону увеличения основных элементов крестьянского двора. Состав семьи увеличился до 5,57 душ при 3,26 работниках. Площадь посева составляла 2,52 дес., а средний размер землепользования на двор равнялся 16,04 дес. Капиталы семьи увеличились до 613,41 руб. Некоторый рост основных элементов двора в течение двух бюджетных лет, вне сомнения, отражал успехи восстановительного периода.

Сопоставление показателей двух лет приводит к однозначному выводу о том, что размеры всех элементов производства увеличивались по мере роста посевной площади. Чем крупнее было хозяйство, тем более людная семья его вела, тем большим запасом рабочей силы, скота и земли оно располагало. Стоит подчеркнуть, что средняя площадь посева увеличилась от низшей посевной группы к высшей в 1922/23 г. примерно в 6,6 раза, в 1923/24 г. – в 7,6 раза. Ни один из факторов производства не изменялся так значительно. Например, площадь землепользования имела увеличение в 3,2–4,4 раза. Данное обстоятельство позволяет предположить, что, с одной стороны, разница в посевной площади, видимо, возмещалась другими угодьями, а с другой – что пахотная земля в разных посевных группах далеко не в одинаковых пропорциях использовалась под посевы.

Что касается средств производства, то их общая стоимость, включая постройки, «мертвый» инвентарь, скот и запасы, возрастала по посевным группам еще медленнее, чем земля, примерно в 1,9–2,6 раза. Наиболее важный в производственном отношении вид средств производства, скот, также изменялся в иных пропорциях, чем посевная площадь – примерно в 3,2–3,3 раза.

Рост крестьянской семьи и ее рабочего состава по мере возрастания посевных групп был наименее заметным. Размер семьи высшей группы превосходил низшую в 1922/23 г. в 2 раза, в 1923/24 г. – в 2,4 раза, количество работников – соответственно в 1,7 и 2,2 раза.

Вывод об увеличении основных элементов крестьянского хозяйства за два бюджетных года, на пер-

вый взгляд, не находил подтверждения в материалах бюджетов 1922/23 г. (67 бюджетов) и 1923/24 г. (281 бюджет), относившихся к Вологодской губернии [6. С. 350–352].

За два года в губернии несколько увеличился состав крестьянской семьи (с 5,2 до 5,3 душ при неизменном количестве работников). Все остальные характеристики двора значительно отличались от средних региональных показателей. Тем не менее в главном вологодские бюджеты достаточно показательны. Производственные параметры крестьянского хозяйства губернии возрастали по мере укрупнения хозяйств. Посевная площадь в крупносеющих дворах превышала показатели низшей посевной группы в 1922/23 г. в 7,2 раза, в 1923/24 г. – в 6,6 раза. Соотношение площади пашни и посева в 1923/24 г. выявляет тот факт, что в мелких дворах I посевной группы (до 2 дес. посева) она равнялась – 45,9%, в наиболее крупных – 59,7%, что не может не свидетельствовать о более рациональной системе полеводства этих дворов [Там же. С. 350–351].

Дополнительно отметим, что сам размер пашни при уравнивательной системе землепользования был, естественно, выше в крупных дворах, но следует подчеркнуть, что в отношении к количеству всей удобной земли процент повышения от группы к группе был не столь заметен. Между тем площадь под выгоном и кустарником в хозяйствах высших групп достигала 46,9% всей удобной земли, что свидетельствовало о наличии значительного запасного фонда для увеличения культурных земель [Там же. С. 81].

Размер капиталов по мере роста посевных групп по всему региону значительно отставал от роста посевных площадей. В 1922/23 г. в высших группах хозяйств он превышал показатели низших групп всего лишь в 2,2 раза, в 1923/24 г. – в 3,3 раза. Объем средств, материализованных в скоте, возрастал в 3,0–2,9 раза. На соотношение капиталов в скоте влияло не только количество скота в хозяйстве, но и различия его стоимости в разных районах. Так, в Вологодской губернии стоимость 1 головы скота в переводе на крупный равнялась в Вологодском уезде 41,94 руб., в Грязовецком – 41,28 руб., в Каргопольском – 35,87 руб., в Кадниковском – 33,56 руб., в Тотемском – 32,27 руб., в Вельском – 27,37 руб. [Там же. С. 86].

Приведенные отклонения от строгого параллелизма изменений факторов производства свидетельствовали о том, что с ростом размеров хозяйства (по посевной площади) менялись организационные формы и возможности крестьянского хозяйства. Пропорции земли, рабочей силы и средств производства (капиталов) в хозяйствах разных посевных групп также отличались [5. С. 189–191].

В 1922/23 г. посевная площадь в расчете на одного работника увеличивалась от низших групп к высшим примерно в 3,9 раза, в расчете на 1 члена семьи – в 3,2 раза. В 1923/24 г. – соответственно в 3,5 и 3,3 раза. Несложно заметить, что темпы этого прироста, были гораздо ниже, чем в расчете на 1 хозяйство (в 6,6–7,6 раза). По всей видимости, это происходило потому, что рост посева в хозяйстве был связан с ростом, хотя и в меньшей степени, семьи и ее рабочих сил.

Тем не менее можно проследить определенную зависимость между размерами семьи и посева, что дает основание для выводов о сохранении уравнивательных тенденций в землеобеспечении крестьян на начальной стадии нэпа.

Соотношение едоков и работников в семье равнялось в 1922/23 г. 1,73 (на 1 работника приходилось 1,73 едока), в 1923/24 г. снизилось до 1,71. В любом случае можно подчеркнуть несколько неопределенную и слабо выраженную тенденцию к возрастанию числа едоков по отношению к работникам в хозяйствах более высоких посевных групп. Отсюда не сложно прийти к выводу о том, что крестьянская семья увеличивала свои посевы и в абсолютных, и в относительных цифрах независимо от числа нетрудоспособных членов.

Сельскохозяйственная площадь и размер землепользования в большей степени были связаны с числом работников в семье и увеличивались по мере роста числа работников в довольно правильной и последовательной пропорции. Так в 1922/23 г. на 1 работника в малопосевной группе дворов (до 2,0 дес.) приходилось 2,68 дес. сельскохозяйственной площади, в высшей посевной группе – 6,58 дес., т.е. произошло увеличение в 2,5 раза, в 1923/24 г. – в 2,8 раза.

Ту же самую закономерность выявляют и показатели расхода рабочего времени на 1 дес. сельскохозяйственной площади. Понятно, что в высших по посеву группах размер землепользования и сельскохозяйственной площади в расчете на единицу рабочей силы был больше, но при этом в 1922/23 г. количество рабочих дней на 1 дес. сельскохозяйственной площади сокращалось со 109,11 дней в малопосевных дворах до 44,14 дней в крупнопосевных (сокращение в 2,5 раза). В 1923/24 г. при общем снижении числа рабочих дней на десятину посева в крайних группах дворов этот разрыв еще более увеличился, примерно в 2,7 раза.

Служило ли данное обстоятельство свидетельством возрастания обеспеченности землей высших посевных групп? Поскольку даже самые крупные дворы почти не пользовались наемной рабочей силой и скорее имели избыток своей собственной, сокращение рабочего времени на десятину площади в крупносеющих хозяйствах являлось подтверждением другой тенденции – уменьшения обремененности излишней рабочей силой в высших посевных группах, и наоборот, переобремененности рабочей силой низших и средних посевных групп.

Иная картина выявляется при рассмотрении роли средств производства в хозяйствах разного размера. Чем крупнее было хозяйство, тем большая сумма средств производства приходилась на единицу рабочей силы. В среднем по району на работника в 1922/23 г. приходилось 174,86 руб., в 1923/24 г. – 188,4 руб. капитала. В 1922/23 г. возрастание по мере укрупнения двора происходило относительно равномерно (с «прогибом» в средних посевных группах). Разница между полярными посевными группами была крайне велика и составляла 101,52 руб. На основе данных 67 бюджетов, относившихся к Вологодской губернии, можно говорить о линейности этого увеличения.

Здесь на единицу рабочей силы крестьянского хозяйства I посевной группы (до 2 дес.) приходилось 221,8 руб. капитала, II (от 2,1 до 4,0 дес.) – 244,5 руб., III (от 4,1 до 6,0 дес.) – 245,0 руб., IV (от 6,1 до 8,0 дес.) – 274,4 руб. [4. С. 106].

Правда, в 1923/24 г. отмеченная градация уже была абсолютно иной. Хозяйства I и IV групп дворов по уровню фондовооруженности труда сравнялись (163,48 и 163,94 руб.). Объем капиталов на 1 работника в хозяйстве V (свыше 8,1 дес.) посевной группы оказался наименьшим по региону (140,22 руб.). Следует оговориться, что в разработку вошло одно хозяйство данной посевной группы, возможно, недостаточно типичное по хозяйственным характеристикам. В лучшем положении находились дворы III посевной группы (262,16 руб. капиталов на 1 работника).

Соотношение между средствами производства, включая скот, и земель (в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади) уменьшалось от низших посевных групп к высшим в 1922/23 г. с 68,82 руб. до 43,39 руб., в 1923/24 г. – с 58,82 руб. до 17,73 руб. Причины такого явления надо искать во внутреннем строе крестьянского двора. По-видимому, при крайне незначительных размерах северного хозяйства минимальные затраты на средства производства, технически неизбежные во дворах любого типа (недробимый комплекс затрат из минимума хозяйственных и жилых построек, лошади или коровы, телеги или сохи), образовывали в совокупности довольно значительную сумму, способную без увеличения обслужить и большую, и меньшую посевную площадь.

В оба бюджетных года статистика зафиксировала в маломощных дворах по сравнению с остальными дворами наибольшую стоимость скота в расчете на единицу сельскохозяйственной площади (12,65 руб. в 1922/23 г. и 13,09 руб. в 1923/24 г.). В Вологодской губернии, например, во дворах с посевом до 2,0 дес. данная стоимость определялась в 69,5 руб., а в высшей группе – 41,7 руб. (больше чем в 1,7 раза) в 1923/24 г. – соответственно 20,63 и 14,49 руб. (больше чем в 1,4 раза) [Там же. С. 106; 6. С. 195].

Объяснение этому надо искать не в факторах интенсивности скотоводства, а, скорее, в их перегруженности рабочим скотом, который, как правило, использовался мелкими дворами преимущественно за пределами своего сельского хозяйства (на промыслах и извозе).

Проведя анализ статических элементов крестьянского двора на Европейском Севере, мы приходим к выводу, что в первый период нэпа укрупнение хозяйства сопровождалось увеличением земельной площади, обслуживаемой одним и тем же запасом рабочих сил и средств производства, приходившихся на одного работника.

От статике факторов производства перейдем к анализу динамики производственного процесса. Важнейшим условием хозяйственной деятельности двора являлось рациональное использование бюджета рабочего времени крестьянской семьи. Расход рабочего времени на свое сельское хозяйство составлял около трети годового запаса в среднем по региону, при этом величина расхода, в том числе и на полеводство, по-

следовательно увеличивалась от низших посевных групп к более высоким. Напротив, затраты времени вне своего хозяйства имели обратную тенденцию. При этом чем крупнее было хозяйство, тем полнее использовалась рабочая сила в своем сельскохозяйственном производстве, и наоборот. В среднем каждый работник в крестьянском хозяйстве около 4 месяцев в году тратил на сельскохозяйственные занятия и около месяца – на занятия вне двора.

Зная о том, что в крестьянском хозяйстве далеко не полностью использовался годовой запас рабочего времени, а также не всегда в полной мере использовались рабочий скот и инвентарь, перейдем к рассмотрению тех его ресурсов, которые непосредственно участвовали в производственном процессе [5. С. 194–195].

Количество рабочей силы (трудоинтенсивность) по отношению к земле подчинялась определенной закономерности. По мере роста хозяйств затраты рабочей силы на десятину земли и посева значительно понижались. Наиболее заметно эта тенденция проявлялась в отношении посевов. В 1922/23 г. малопосевные дворы затрачивали на 1 дес. посева 197,12 дней, в то время как крупные дворы – 84,12 дней (меньше в 2,3 раза). В 1923/24 г. – меньше в 2,1 раза. Налицо явная экономия рабочей силы в крупных дворах.

Общие затраты рабочего времени на работу в своем сельском хозяйстве за два бюджетных года увеличились с 307,54 до 351,16 дней в году. Однако это увеличение не касалось мелкопосевных дворов, в них расходы рабочего времени, наоборот, сократились. По всей видимости, это следует связать с постепенной переориентацией данного типа дворов на иной вид деятельности, связанной с работой вне земледельческой сферы.

Материальные расходы в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади показывали менее закономерное движение по посевным группам, чем затраты рабочей силы. Более того, в 1922/23 г. в среднем по региону материальные затраты полярных групп были примерно одинаковы – около 16,0 руб. на 1 дес. площади. Наиболее низкие хозяйственные затраты (11,75 руб.) наблюдались во дворах с посевом от 2,1 до 4,0 дес. В 1923/24 г. материальные расходы на 1 дес. сельскохозяйственной площади сокращались по мере роста посевных групп со значительно большей последовательностью. Во дворах первой посевной группы расходовалось 16,15 руб., в то время как в пятой – лишь 8,62 руб. на 1 дес. сельскохозяйственной площади. В хозяйствах высшей посевной группы Вологодской губернии в 1923/24 г. материальные затраты составляли 22,47 руб. на 1 дес., низшей – 27,0 руб. В Северо-Двинской губернии разница в текущих хозяйственных расходах между полярными группами дворов составляла 2,42 руб. [7. С. 28; 6. С. 95] в пользу маломощных дворов. Причины этому явлению надо искать во внутреннем строе крестьянского производства. Относительно высокие материальные затраты в мелких дворах, на наш взгляд, имели первоосновой, с одной стороны, неполное использование максимально необходимых хозяйственных затрат, с другой стороны, стремление мелких хозяйств, испытывавших в большей степени земельное

утеснение вследствие недостатка пашни, увеличить свой сельскохозяйственный доход посредством увеличения хозяйственных затрат.

Что касается соотношения между текущими расходами и запасом рабочей силы, то сумма материальных затрат в расчете на рабочую силу имела правильную тенденцию к увеличению по мере укрупнения двора (с 42,43 до 107,54 руб. в 1922/23 г. и с 40,10 до 68,11 руб. в 1923/23 г.), составляя по региону в целом 47,90–46,26 руб. на единицу рабочей силы. Абсолютная сумма материальных текущих затрат возрастала быстрее, чем запас рабочей силы, и в крупном хозяйстве, таким образом, рабочая сила оказывалась лучше вооруженной не только основным, но и оборотным капиталом.

Сопоставим темпы роста затрат рабочего времени и материальных расходов в среднем на двор, исключив из подсчета по отмеченным выше обстоятельствам группу малосеющих дворов за два года. Так, затраты рабочего времени на хозяйство во второй посевной группе увеличились в 1,1 раза, а материальные расходы – в 1,04 раза, в третьей посевной группе соответственно в 1,2 и 0,9 раза, в четвертой – в 1,1 и 0,6 раза. Несложно убедиться, что во всех отмеченных посевных группах рост затрат рабочего времени на свое сельское хозяйство в течение двух бюджетных лет опережал по темпам материальные расходы семьи. Это дает основание говорить о высокой трудоемкости сельскохозяйственного производства (трудоемкости и одновременной капиталоемкости), по определению Д.И. Деларова) [8. С. 28–36].

Перейдем к анализу общих результатов сельскохозяйственного производства, каковыми в данном случае являлась сумма валовой продукции на 1 дес. сельскохозяйственной площади, включавшей, кроме сбора продуктов полеводства, еще и продукты животноводства, прирост и приплод скота, продукты луговодства, огородничества и пчеловодства. Вывод, который следует из рассмотрения показателей валовой продукции, сводится к тому, что по мере роста посевных групп продуктивность десятины земли повышалась. В 1922/23 г. продуктивность десятины сельскохозяйственной площади в хозяйствах низшей посевной группы составляла 30,52 руб. высшей – 35,23 руб., в среднем по региону – 26,56 руб.

В 1923/24 г. отмеченная закономерность, на первый взгляд, не проявлялась столь явно. Так, продуктивность десятины сельскохозяйственной площади в хозяйствах низшей посевной группы равнялась 28,90 руб. высшей – значительно меньше – 20,32 руб., составляя в среднем по региону 27,01 руб. Но кажущееся противоречие устраняется, если учесть размер материальных затрат этой посевной группы на 1 дес. сельскохозяйственной площади, составлявший в 1923/24 г. всего лишь 8,62 руб. Иными словами, производительность 1 дес. земли довольно точно следовала за изменениями материальных расходов на обработку. Чем больше крестьянин вкладывал оборотного капитала на 1 дес. площади, тем большую выручку она давала.

Что касается оплаты рабочей силы, то доля валовой продукции, приходившейся на единицу рабочей

силы, поднималась в высших посевных группах по сравнению с низшими в 1922/23 г. примерно в 2,8 раза (231,94 против 81,66 руб.), в 1923/24 г. – в 2,2 раза (160,60 против 71,73 руб.). Если сопоставить размеры материальных затрат и валовой продукции, то мы получим довольно интересный срез организации крестьянского производства. Общий размер текущих материальных затрат (семена, корм скоту, содержание инвентаря и заработная плата) в среднем на хозяйство региона сократился за два года со 153,36 до 149,62 руб. за счет малопосевных дворов и крупных хозяйств. В относительных показателях их объем составлял в 1922/23 г. 50,5% от валового дохода сельского хозяйства двора, в 1923/24 г. – 53,2%.

В Вологодской губернии в первом бюджетном году доля материальных расходов равнялась в среднем 50,2%, понижаясь с 52,2% в мелких дворах до 46,6% в крупных, во втором году производство удорожалось и удельный вес материальных издержек равнялся 58,9% от валовой продукции (колебания от максимальных 63,6% в малопосевных дворах до минимальных 50,7% – в крупных) [4. С. 112–113; 6. С. 95]. Если рассматривать валовую продукцию крайних групп дворов за оба года, то мы увидим, что в 1922/23 году в губернии она соотносилась как 1,0 : 4,3, в то время, как соотношение хозяйственных расходов выглядело как 1,0 : 3,8. В Северо-Двинской губернии в 1923/24 г. (по генерализованным данным 79 бюджетов) в среднем по всем хозяйствам издержки сельскохозяйственного производства выражались в сумме 131,91 руб. в золотом исчислении. В хозяйствах, засевавших свыше 2,0 дес., затраты в расчете на 1 хозяйство были на 72,8% больше, чем в среднем хозяйстве низшей посевной группы (до 1 дес. посева). Валовая продукция этих дворов превышала показатель низшей группы на 85,3% [7. С. 27].

Это обстоятельство говорило о несколько большей результативности издержек сельскохозяйственного производства в хозяйствах, обеспеченных посевами, а следовательно, и о лучшей производительности земледельческого труда.

Материальные расходы в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади составляли по региону в 1922/23 г. около 50,5% валовой продукции (52,0% в низшей посевной группе, 48,9% – в группе с посевом от 2,1 до 4,0 дес., 53,3% – в группе с посевом от 4,1 до 6,0 дес. и 46,4% в наивысшей посевной группе). Годом позже данный показатель по региону увеличился преимущественно за счет дворов низших посевных групп, составляя 53,2% (55,9% в первой посевной группе, 52,7% – в группе с посевом от 2,1 до 4,0 дес., 48,2% – в группе с посевом от 4,1 до 6,0 дес., 46,7% – в четвертой посевной группе и 42,4% – в наивысшей посевной группе). В расчете на единицу рабочей силы соотношение материальных затрат и валовой продукции за оба бюджетных года исчислялось примерно одинаково: 50–53%.

Таким образом, имевшая место значительная устойчивость доли материальных затрат к валовой сельскохозяйственной продукции (расхода и дохода) на 1 дес. сельскохозяйственной площади в разных типах дворов служит важным основанием для выводов о том, что в

1922/23 г. различная выгодность хозяйств разных размеров зависела не столько от разной степени искусства организации производства, сколько от объективных различий в обеспеченности и пропорциях факторов производства. Зная, что в направлении высших посевных групп происходило сокращение капиталов, в первую очередь капиталов, заключенных в скоте (по расчету на 1 дес. сельскохозяйственной площади), и учитывая выводы о большей результативности хозяйственных издержек в крупносеющих дворах, начиная с 1923/24 г., можно вести речь о некоторых организационных преимуществах крупных хозяйств по сравнению с мелкими. Между тем на протяжении всех 1920-х гг. именно среднее, мелкое и мельчайшее крестьянские хозяйства со-

ставляли основу аграрного производства на Европейском Севере, которого, как мы убедились, почти не коснулись факторы интенсификации. Хозяйства данных типов являлись, по терминологии 1920-х гг., трудоинтенсивными и капиталointенсивными.

Вполне естественно, что уже к середине 1920-х гг. выделялись географические районы, к примеру Вологодский, Грязовецкий, Холмогорский и Пудожский уезды, в которых крестьянское хозяйство отличалось своей производительностью, лучшими организационными формами, рациональным использованием труда и капитала. Повсеместно наблюдался процесс разрушения потребительско-натурального типа хозяйства, базировавшегося на принципиально новых организационных основах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литошенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923. 46 с.
2. Статистический ежегодник 1921 г. Вып. 1: С присоединением сведений за 1922 г. по внешней торговле // Труды ЦСУ. 1922. Т. VIII, вып. 3. 371 с.
3. Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921 (социальные и экономические результаты). Вологда, 2002. 344 с.
4. Литошенко Л.Н. Крестьянское хозяйство и его доходность по бюджетным данным // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 50–129.
5. Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. 1. Северный район. 2. Уральский район // Труды ЦСУ. 1926. Т. XXXI, вып. 1. 196 с.
6. Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы. Вологда, 1926. IX, 421 с.
7. Дербенев А.Г. Крестьянское хозяйство С.-Двинской губернии в 1924–25 году на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925. 46 с.
8. Токмачева Л. Проблемы крестьянского хозяйства в трудах Д.И. Деларова // Сборник научных трудов студентов и аспирантов ВГПИ. Вологда, 1993. С. 28–36.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2017 г.

THE ECONOMIC BALANCE OF A PEASANT HOUSEHOLD IN THE EUROPEAN NORTH IN 1917 – MID-1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 155–162.

DOI: 10.17223/15617793/425/20

Vasily A. Sablin, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: sablin@inbox.ru

Keywords: Agrarian revolution; NEP; peasant economy; profitability; production efficiency; the evolution of agriculture.

The aim of this article is to study the evolution of the industrial infrastructure of the parcel farming industry in the European North of Russia in the first half of the 1920s in order to understand the specifics of the rehabilitation processes in the region's agriculture and to answer the question of how the state's agrarian policy took into account the region's uniqueness. The analysis is based on the materials of the budget statistics of the peasant economy, as containing the most complete information on the topic. If necessary, the author supplemented his analysis with mass statistical material. The methodological dominant of the study was the epistemological positions of the Russian agrarian science of the late 19th and 20th centuries, in particular, the theory of the family organization of peasant farming, which were formulated within the organizational and production line of research. The author adheres to the foundations of the system approach and the principles of historicism, which presupposes a systematic structural analysis of the livelihoods of the peasant household as an integral entity with inherent internal connections and their interaction in the context of the general historical changes of 1917 and the first half of the 1920s. The global leveling of the socioeconomic structure of the village in 1917–1921 led to the establishment of the organizational type of the consumer agricultural household in the European North of Russia. The return to the integral foundations of production began in the North in 1922–23 and ended in 1926–27. In 1922–23, the average indicators, with their overall homogeneity, emphasized the poverty level of the real income of the peasantry, but nevertheless concealed the diversity of the domestic economic opportunities of the peasant economy. To detect this diversity, the analysis includes socio-economic groupings of statistical material, based on the size of the sowing of the household, since the crop area is to a certain extent a cumulative sign. The revealed stability of the share of material inputs to gross agricultural production (expenditure and income) by 1 desiatina of agricultural area in different types of households is an important reason for a conclusion that the profitability of farms of different sizes depended not so much on the different degrees of the art of production organization but on objective differences in the availability and proportions of factors of production. By the mid-1920s geographical regions, for example, Vologdsky, Gryazovetsky, Kholmogorsky and Pudozhsky counties, were distinguished in which the peasant economy was based on fundamentally new organizational bases and differed in its productivity, best organizational forms and rational use of labor and capital.

REFERENCES

1. Litoshenko, L.N. (1923) *Evolyutsiya i progress krest'yanskogo khozyaystva* [Evolution and progress of the peasant economy]. Moscow: Russkiy knizhnik.
2. Trudy TsSU. (1922) *Statisticheskiy ezhegodnik 1921 g. Vyp. 1: S prisoedineniem svedeniy za 1922 g. po vneshney torgovle* [Statistical Yearbook of 1921. Issue. 1: With the addition of information for 1922 on foreign trade]. *Trudy TsSU*. VIII:3.
3. Sablin, V.A. (2002) *Agrarnaya revolyutsiya na Evropeyskom Severe Rossii. 1917–1921 (sotsial'nye i ekonomicheskie rezul'taty)* [Agrarian revolution in the European North of Russia. 1917–1921 (social and economic results)]. Vologda: Legiya.

4. Litoshenko, L.N. (1925) Krest'yanskoe khozyaystvo i ego dokhodnost' po byudzhetnym dannym [Peasant farm and its profitability by budgetary data]. In: Kritsman, L., Popov, P. & Yakovlev, Ya. (eds) *Sel'skoe khozyaystvo na putyakh vosstanovleniya* [Agriculture on the ways of restoration]. Moscow: [s.n.].
5. Trudy TsSU. (1926) Krest'yanskije byudzhetny 1922/23 g. i 1923/24 g. 1. Severnyy rayon. 2. Ural'skiy rayon [Peasant budgets for 1922–23 and 1923–24. 1. The Northern region. 2. The Ural district]. *Trudy TsSU*. XXXI:1.
6. Vologda Province Statistical Bureau. (1926) *Statisticheskij sbornik po Vologodskoy gubernii za 1917–1924 gody* [Statistical collection of Vologda Province for 1917–1924]. Vologda: tipo-lit. akts. o-va "Severnyy pechatnik".
7. Derbenev, A.G. (1925) *Krest'yanskoe khozyaystvo S.-Dvinskoy gubernii v 1924–25 godu na osnove izucheniya ego byudzheta* [The peasant economy of the North Dvina province in 1924–25 on the basis of studying its budget]. Velikiy Ustyug: [s.n.].
8. Tokmacheva, L. (1993) Problemy krest'yanskogo khozyaystva v trudakh D.I. Delarova [Problems of peasant economy in the works of D.I. Delarov]. In: Bezhnin, M.A. (ed.) *Sbornik nauchnykh trudov studentov i aspirantov VGPI* [Collection of scientific works of students and post-graduates of Vologda State Pedagogical Institute]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute, Rus'.

Received: 12 September 2017